

Судебное правоприменение по спорам об обороте цифровой валюты в России

Judicial Enforcement of Disputes on the Circulation of Digital Currency in Russia

Сухомлинов Н.М.

Аспирант 2-ого курса юридического факультета
Волгоградского института управления - филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
Кафедра теории права и государственно-правовых дисциплин

Sukhomlinov N.M.

2nd year postgraduate student of the Faculty of Law
Volograd Institute of Management, a branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Federations
Department of Theory of Law and Public Law Disciplines

Научный руководитель:

Гончаров А.И.

Д-р юрид. наук, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин,
Волгоградского института управления - филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Scientific supervisor:

Goncharov A.I.

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines,
Volograd Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation Federation

Аннотация

Данная статья посвящена развитию судебного правоприменения по спорам об обороте цифровой валюты в России. В условиях отсутствия нормативно-правовой базы судьям при рассмотрении дел, связанных с цифровой валютой, приходилось искать возможные пути решения в доктрине, аналогии права, концепции законодательства и других источниках. В результате выявлялись первые проблемы в правоприменительной практике и предлагались новые подходы, которые впоследствии обретали форму закона. Именно поэтому проведенное исследование судебной практики по спорам об обороте цифровой валюты в России является актуальным.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровые финансовые активы, цифровой рубль, судебное правоприменение.

Abstract

This article is devoted to the development of judicial law enforcement in disputes over the circulation of digital currency in Russia. In the absence of a regulatory framework, judges, when considering cases related to digital currency, had to look for possible solutions in doctrine, analogy of law, concepts of legislation and other sources. As a result, the first problems in law enforcement practice were revealed and new approaches were proposed, which subsequently took the form of

a law. That is why the conducted research of judicial practice on disputes over the turnover of digital currency in Russia is relevant.

Keywords: digital currency, digital financial assets, digital ruble, judicial enforcement.

Объект исследования: общественные отношения, складывающиеся в ходе рассмотрения судебных споров об обороте цифровой валюты.

Цель исследования: анализ судебной практики для формирования наиболее полного перечня проблем, возникающих в правоприменительной практике в связи с оборотом цифровой валюты, с сопутствующим мониторингом действующего законодательства, по итогам которых предполагается сделать вывод о том, какие вопросы были решены законодателем, а какие все еще остаются открытыми и требующими доработки.

Объекты, определяемые в российском законодательстве, в настоящее время как цифровая валюта, «пришли» и стали развиваться в России задолго до принятия соответствующего специального закона. Однако это не мешало участникам оборота цифровой валюты прибегать к судебной защите при нарушении их прав и интересов. Поэтому судьи оказывались в непростой ситуации, заключающейся в необходимости рассмотрения дела при отсутствии соответствующего правового поля.

В подобных случаях перед разрешением основного вопроса о правах и обязанностях владельцев цифровых валют либо полномочиях контролирующих органов судьи должны были предварительно определить правовую природу цифровой валюты, ее место в отечественной финансовой системе и правовой режим. Благодаря использованию аналогии права и закона, обращениям к доктрине и разъяснениям Центробанка России в решениях делались первые попытки найти ответы на обозначенные вопросы. Данное обстоятельство наделило российские суды специфической ролью в формировании нормативно-правовой базы в сфере оборота цифровой валюты.

При этом сразу стоит отметить, что правоприменительная практика в части признания или непризнания цифровой валюты и ответов на другие из вышеуказанных вопросов всегда различалась не только в зависимости от времени рассмотрения дела, но и от того, нормами какой отрасли урегулированы общественные отношения, предметом которых выступала цифровая валюта. В этой связи будут выделены три периода применительно к каждой отрасли права: до обсуждения и внесения законопроекта с поправками о цифровых правах в ГК РФ [1], с момента внесения указанных поправок, но до принятия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные акты РФ» [2] (далее - Закон о ЦФА), и текущий период.

Итак, в первый период рассмотрение споров по поводу цифровой валюты всегда сводилось к одной ключевой проблеме ее признания или непризнания вообще. Например, в гражданско-правовых отношениях цифровая валюта используется в качестве средства платежа при приобретении какого-либо имущества, либо же сама может выступить предметом торга. В последнем случае зачастую речь идет об организациях, которые по поручению клиента и за вознаграждение от него в национальной или иностранной валюте приобретают цифровые активы, перепродают их или вкладывают в разные проекты. На первый взгляд, эта деятельность очень похожа на брокерскую или какую-либо другую профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, но пока не признается таковой законом и никак не регулируется. Сюда же можно отнести случаи предоставления займов в цифровой валюте или ее обмену.

Подобные сделки заключались с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, их условия определялись в переписке размыто и, естественно, впоследствии между сторонами возникали разногласия. Когда же спор оказывался на рассмотрении суда, владельцам цифровой валюты отказывали в правовой защите, а в случае с имуществом, оплаченным цифровой валютой и переданным покупателю, оно могло быть возвращено продавцу, остававшемуся и с цифровой валютой, и с товаром, как неосновательное

обогащение покупателя, что, конечно же, виделось весьма несправедливым. Юридическим обоснованием подобных решений выступали ст.128 и 140 ГК РФ, по смыслу которых цифровая валюта прямо не указана в качестве объекта гражданских прав, предметом материального мира не является, не имеет качество вещи, в том числе денег и ценных бумаг, поэтому она не может выступать предметом гражданско-правовых сделок и ей не может быть предоставлена судебная защита [3].

Что же касается уголовного права того периода в рассматриваемом контексте, то в преступлениях с виртуальной валютой последняя может выступить в качестве средства или предмета преступного посягательства. В первом случае у сотрудников органов предварительного расследования, как правило, не возникало трудностей с квалификацией деяния, поскольку достаточно установить факты приобретения наркотических средств, оружия, передачи взятки и совершения других запрещённых уголовным законом деяний, где способ их оплаты не имеет существенного значения для уголовного дела.

В то время как по делам о хищениях цифровой валюты практика складывалась довольно неоднозначно. Ведь уголовно-правовые нормы о преступлениях против собственности являются бланкетными и признают надлежащими предметами посягательства только объекты гражданских прав, перечисленные в ст.128 ГК РФ [4]. Как следствие, вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям владельцев цифровых валют. Неудивительно, что судебная практика конкретно по этому вопросу практически отсутствует, за исключением разве что производства по немногочисленным жалобам в порядке ст.125 УПК РФ на указанные постановления, где судьи разделяли мнение должностных лиц органов предварительного расследования.

Дело в том, что изначально Центробанк России весьма настороженно отнёсся к распространению цифровой валюты, указывая в своих письмах и разъяснениях на ее спекулятивный характер, использование в преступных схемах и потенциальные угрозы стабильности экономики [5]. Эту позицию разделили Росфинмониторинг и Генеральная прокуратура РФ [6], обозначив виртуальную валюту не обеспеченным реальной стоимостью денежным суррогатом, прямо запрещенным ст. 27 Закона о Банке России [7]. Следовательно, она не должна применяться ни гражданами, ни юридическими лицами, потому как ее обладатели лишены возможности защищать свои интересы в судебном и административном порядке. Параллельно велось и активное обсуждение внесения в ГД ФС РФ законопроекта о введении полного запрета на оборот цифровой валюты под угрозой административной или уголовной ответственности. Таким образом, вначале имело место преобладание негативного отношения российского законодателя и надзорных органов к цифровой валюте, которое закономерно нашло свое отражение и в правоприменительной практике.

Второй период с 2018 по 2020 г. стал насыщенным событиями и переломным, по нашему мнению, для правового регулирования цифровой валюты в России. Уходит в прошлое ранее популярное мнение об отрицании цифровой валюты, ее запрете и предпринимаются первые попытки урегулировать ее оборот. Именно в это время активно ведутся фундаментальные исследования, на рассмотрение парламента вносятся законопроекты, представлявшие самые разные подходы и впоследствии обретавшие форму закона. И, конечно же, не последнюю роль в этом процессе сыграли судебные решения, из содержания которых можно было составить целый список правоприменительных проблем и разработать возможные пути их решения.

Считается, что первое официальное признание в правоприменительной практике цифровой валюты в качестве имущества состоялось в 2018 г. при вынесении постановления Девятым апелляционным арбитражным судом по делу о банкротстве [8]. В нем суд обязал должника предоставить доступ конкурсному управляющему к криптовалютному кошельку, при этом же подчеркнув, что включению в конкурсную массу подлежит любое имеющее экономическую ценность имущество. К слову, эта же идея легла в основу формулировки определения одного из предлагаемых законопроектов, где под цифровыми активами

подразумевались любые цифровые объекты, имеющие ценность [9]. А в другом деле суд уточнил порядок передачи активов в конкурсную массу с участием нотариуса [10]. Конечно же, данный порядок не лишен своих недостатков, в основном связанных с технической стороной вопроса, тем не менее на лицо довольно интересная попытка придать прозрачности самой процедуре передачи и уменьшить вероятность отчуждения цифровых активов в обход интересов кредиторов.

Однако в описанных ситуациях лишь благодаря инициативным кредиторам конкурсному управляющему стало известно о наличии у должника криптокошельков, а должник, в свою очередь, предоставил к ним доступ во исполнение судебного постановления. В то время как для кредиторов и взыскателей так удачно обстоят дела далеко не всегда, а практикой не выработано универсального алгоритма на случай недобросовестного поведения должника, скрывающего находящуюся в его собственности цифровую валюту. Например, один конкурсный управляющий, подозревавший должника в сокрытии цифровых активов и стремившийся получить к ним доступ, по аналогии с методикой расследования преступлений в сфере компьютерной информации ходатайствовал перед судом об изъятии у должника компьютера с мобильными устройствами для отправки их на экспертизу, но вполне ожидаемо получил отказ со ссылкой на отсутствие в Законе о банкротстве указания на подобные мероприятия в качестве обеспечительных мер или иных процессуальных действий [11].

Приведенные выше примеры можно еще использовать как наглядную иллюстрацию уже давно назревшей необходимости во внесении в процессуальное законодательство дополнений для более качественного рассмотрения споров о цифровой валюте. Или, как минимум, обобщения Верховным судом РФ судебной практики и издания разъяснений, например, по вопросам применения обеспечительных мер в отношении спорной цифровой валюты, конечно же, с учетом технических возможностей, определения круга доказательств принадлежности цифровой валюты определенному лицу, средств их получения, особенностей квалификации возникших правоотношений и целесообразности введения правовых презумпций.

Кроме того, стоит отметить, что, несмотря на значимость приведенных выше судебных актов в дальнейшем цифровая валюта признавалась имуществом лишь в целях применения законодательства о банкротстве и об исполнительном производстве. В остальных же гражданско-правовых спорах защита прав владельцев цифровой валюты так и оставалась под вопросом. В 2019 г. с введением ст.141.1 ГК РФ были окончательно приняты и внесены поправки о цифровых правах. Естественно, что на тот момент новелла ещё не была проработана должным образом, и потому на практике в понятие «цифровых прав» вкладывался разный смысл.

Так, можно встретить судебные решения, где объектом цифровых прав считалась в том числе и цифровая валюта. Впоследствии с принятием ряда нормативных актов, разделивших цифровые права на виды и поставивших особняком цифровую валюту, данный подход был признан ошибочным, и до момента определения особой правовой природы цифровой валюты регулирование ее оборота так и оставалось туманным. Тем не менее защита прав владельцев цифровых валют все-таки реализовывалась, но посредством института неосновательного обогащения. Судьи вникали в обстоятельства передачи цифровой валюты, изучали правила функционирования платформ, обращали внимание на договоренности сторон и условия сделки и по результатам проверки всех этих обстоятельств признавали приобретателя законным владельцем, отказывая в иске другой стороне или наоборот, но при этом, как правило, избегая вопросов квалификации возникшего правоотношения в соответствии с особенной частью ГК РФ [12].

В уголовном праве тоже обозначилась положительная динамика. Особенно после отмены апелляционного определения Санкт-Петербургского городского суда Третьим кассационным судом по представлению прокурора и принятия нового постановления по уголовному делу, которым цифровая валюта была добавлена в состав похищенного

имущества [13]. Отныне цифровая валюта в уголовно-правовом контексте относилась к иному имуществу и могла выступать предметом преступлений против собственности, экономических преступлений и ряда других. При этом она не признавалась деньгами, а сама криптовалютная платформа - платежной системой. Об этом также свидетельствовало неприменение такого квалифицирующего признака как хищение с банковского счёта. В отличие от гражданского и арбитражного процессуального права УПК РФ наиболее полно предоставлял достаточный объем процессуальных средств для собирания доказательств по установлению правоохранными органами личности отправителя и получателя цифровой валюты в целях расследования уголовного дела. Оставалась только техническая сторона вопроса. Зато практически сразу же появилась другая проблема, связанная с оценкой цифровой валюты.

Цифровая валюта, как и любое другое похищенное или использовавшееся в противоправных целях имущество, подлежит стоимостной оценке. От этого напрямую зависит квалификация деяния и назначенное наказание. В делах о банкротстве стоимость цифровой валюты определялась уже в ходе торгов на электронных площадках, а вырученные денежные средства вносились в конкурсную массу. Хотя описанный вариант также имел свои недостатки, в частности, возникали вопросы к арбитражному управляющему о выборе площадки, курса и времени продажи. При производстве же по уголовным делам практика по этому вопросу не была выработана, что нередко пыталась повернуть в свою пользу сторона защиты. Поэтому первое время суды при расчете причиненного преступлением ущерба исходили из курса конкретного цифрового актива на специализированных площадках.

Не обошли новые веяния в вопросе статуса цифровой валюты и сферу финансовых правоотношений. Для примера, всё чаще стали встречаться случаи отказов прокуроров от исковых требований о блокировке информационных ресурсов, посвященных обороту цифровой валюты, и вообще наметилась динамика по снижению количества таких исков. Это было связано со сделанными выводами об отсутствии со стороны цифровой валюты угрозы финансовой безопасности страны и обсуждениями в парламенте и ЦБ РФ необходимости принятия специального закона. Однако в целом при дозволении оборота цифровой валюты нововведения носили не комплексный, а односторонний характер, и в итоге были направлены только на обеспечение финансовой устойчивости и безопасности.

Так, цифровая валюта признавалась иным имуществом, но опять-таки в целях исполнения законодательства о финансовом контроле и противодействии отмыванию добытых преступным путем доходов. В результате зачастую складывалась довольно противоречивая ситуация, когда блокировался доступ к цифровым платформам, отзывались лицензии у банков, обслуживающих эти же платформы, на основании несоблюдения «антиотмывочного» законодательства и законодательства о платежных системах, требования которых распространяются именно на официально признанные и зарегистрированные финансовые платформы и платежные системы [14]. Но при этом одновременно отказывалось в защите частного интереса владельцев цифровых валют в связи с тем, что цифровая валюта не является деньгами, соответственно, обслуживающая ее платформа - платежной системой. Позже в законодательстве появилось понятие «платежей без открытия счета», которые по своему механизму напоминали перечисления на электронных платформах цифровых валют [15]. В связи с чем встречались примеры попыток судов примерить данный закон и к платежным системам расчетов с цифровой валютой [16]. Но эта идея не прижилась, так как всё-таки под переводами без открытия счёта имелись в виду именно денежные перечисления в рублях или иностранной валюте с помощью электронных средств платежа.

И, наконец, последний из рассматриваемых этапов связан с принятием уже неоднократно упомянутого Закона о ЦФА. В нем цифровая валюта обозначена в качестве самостоятельного объекта по отношению к цифровым финансовым активам и определена как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе,

которые могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося отечественной или иностранной валютой, международной денежной или расчетной единицей или инвестиций, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных. Последнее словосочетание содержит принципиальное отличие цифровой валюты от цифровых прав разного вида.

Дано определение операторам информационных систем, но только занимающимся администрированием платформ оборота именно цифровых финансовых активов, установлены минимальные требования к ним и их деятельности, на соответствие которым их будет проверять ЦБ РФ. Центробанк и будет вести реестр таких операторов. При этом аналогично с цифровыми финансовыми активами понятие операторов систем оборота цифровой валюты и требования к ним не разработаны, хотя объективная необходимость в этом присутствует. Лишь в п.4 ст.14 Закона о ЦФА указано, что организация выпуска, учета и обращения цифровой валюты регулируется в соответствии с федеральным законодательством, которое пока создается с учетом правоприменения.

Не будет преувеличением сказать, что при разработке и принятии Закона о ЦФА была проделана большая работа по анализу судебной практики и выработке решений выявленных в ходе мониторинга проблем. Примером тому выступает уже официальное признание цифровой валюты иным имуществом для целей «антиотмывочного» законодательства, законодательства об исполнительном производстве и банкротстве. Сопутствующие изменения были внесены в другие нормативные акты. В самом Законе сделана оговорка о неприменении его положений к отношениям, связанным с обращением безналичных и электронных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг, что направлено на предотвращение в будущем возникновения проблемы конкуренции норм, примеры которой приводились выше.

В целях установления личности владельцев цифровой валюты на случай возможных споров в п.6 ст.14 Закона о ЦФА внесены положения, в соответствии с которыми судебной защите подлежат права владельцев только на задекларированную цифровую валюту. Тем самым законодатель стремился решить одновременно две задачи: побудить владельцев цифровых валют платить налоги на доходы, полученные в связи с ее оборотом, и освободить судей от путаницы и лишних процессуальных действий по установлению реального собственника цифровых валют. На самом деле эта мера не сильно помогла вывести из тени цифровые активы, зато создала поле для дискуссии ученых [17], считавших эту норму противоречащей ряду статей Конституции РФ, гарантирующих доступ к правосудию и защиту собственности любой формы, к тому же независимо от уплаты налогов.

Но самое главное, что с введением в действие Закона о ЦФА сама цифровая валюта и вся связанная с ней экосистема с точки зрения правового регулирования стала обособленной и заслуживающей отдельной нормативно-правовой базы. Продолжилась дальнейшая разработка законопроектов о признании переводов цифровой валюты отдельной формой расчетов наряду с наличными и безналичными расчетами. Итогом стало принятие Федерального закона от 24.07.2023 г. № 340-ФЗ [18], ознаменовавшего третью форму расчетов посредством цифрового рубля, эмитентом которого, естественно, выступает ЦБ РФ. Хотя в данном законе и не было упоминания о правовом регулировании «частной» цифровой валюты, но был заложен фундамент для ее легализации в будущем в рамках платежных систем и переводов.

Произошедшие кардинальные изменения напрямую не затронули уголовное законодательство в том плане, что непосредственно в Уголовный кодекс никаких поправок не вносилось. Не была введена какая-либо отдельная норма об ответственности за хищение цифровой валюты или рассмотрения данного деяния в качестве квалифицирующего признака. Но данный пробел был частично преодолен судебной практикой, которая на фоне появления Закона о ЦФА и сопутствующих поправок в другие акты однозначно признавали преступлением совершение различных форм хищения в отношении цифровой валюты. Но

при этом ответа на вопрос о том, каким образом должна производиться оценка стоимости цифровой валюты так и не получено.

На наш взгляд, наиболее знаковым для регулирования цифровой валюты не только в плоскости гражданско-правовых отношений следует считать Определение ВС РФ от 01.06.2021 по делу № 48-КГ21-3-К7, 2-5227/2019 [19], в котором был выработан довольно гибкий и универсальный подход к определению природы цифровой валюты применительно к любой отрасли права. Суть спора сводилась к непризнанию заемщиком и поддержавшими его нижестоящими судебными инстанциями задолженности, возникшей по нескольким предшествующим договорам купли-продажи и последующему договору цессии, где средством оплаты выступали единицы WMZ системы Web Money Transfer. Аргументы, использованные судьями для отказа в исковых требованиях, были все те же: цифровая валюта не признается деньгами. Коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ, указав на пополнение кошельков так называемыми учетными единицами, сделала вывод, что все-таки сами учетные единицы являются эквивалентами валют разных стран, удостоверяют их реальное количество у владельца. И по совокупности обстоятельств отменила акты нижестоящих судов и направила дело на новое рассмотрение.

К слову, применительно к российскому законодательству данный подход, конечно же, выглядит новым. Однако не для законодательства ряда зарубежных стран, где все цифровые активы изначально обозначены единым термином «токен», и в зависимости от того, какие права этот токен удостоверяет, на него распространяется соответствующее законодательство [20]. Российский законодатель при разработке Закона о ЦФА избрал другой путь, разделив цифровую валюту и цифровые финансовые активы, что нередко на практике приводит к их смешению, когда оба объекта удостоверяют права на денежные требования.

Кроме того, этим же Определением ВС РФ от 01.06.2021, на наш взгляд, как раз удачно были сформулированы критерии порога вхождения операторов цифровых платформ оборота цифровой валюты на финансовый рынок, руководствуясь которыми законодатель мог бы отсеивать ничем необеспеченные цифровые активы от перспективных проектов. Речь здесь идет о дополнительных аргументах, приводившихся Коллегией в подтверждение своего решения о признании учетных единиц Web Money Transfer. В частности, это их обеспечение реальными деньгами разных государств, наличие четких правил функционирования платежной системы, гарантии со стороны солидной международной компании Amstar Holdings Limited и принятие большинством государств оплаты посредством этой системы обязательных платежей.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы по теме исследования.

Появление споров, связанных с оборотом цифровой валюты, в отсутствие соответствующей нормативно-правовой базы вынуждало суды искать способы их разрешения в доктрине, аналогии права и принципиально новых подходах, приживавшихся в правоприменительной практике и впоследствии обретавших форму закона. Эти обстоятельства предопределили особую роль судебной практики в становлении правового регулирования цифровой валюты в России. По господствующим в то или иное время идеям и подходам о природе цифровой валюты, моделям ее регулирования, содержании финансового контроля нами применительно к каждой отрасли права выделены три основных периода.

Первый этап можно охарактеризовать главенствующей идеей отрицания и запрета цифровой валюты, видения в ней угрозы финансовой стабильности страны. На совместных совещаниях Генеральной прокуратуры России с представителями Центробанка и Росфинмониторинга ведутся обсуждения механизмов ограничения оборота цифровой валюты. В то время как в парламент страны также вносятся законопроекты о запрете цифровой валюты и введении административной ответственности за ее оборот в финансовых операциях. Владельцы цифровой валюты не могут рассчитывать на защиту

своих прав в сделках с ее использованием не только в рамках гражданско-правовых отношений, но и даже в случаях совершения хищения их «цифрового имущества».

Второй период характеризуется противоречивостью, многочисленностью и разнообразием подходов, активной разработкой законопроектов. В это время уже наблюдается движение в сторону признания цифровой валюты и ее урегулирования. Поэтому не будет преувеличением сказать, что именно этот период заложил базу современного правового регулирования цифровой валюты. Еще нет специального закона и тем более четко выработанной правоприменительной практики, но законодатель с ведением понятия «цифровых прав», отдельных поправок в законодательство о платежных системах четко дает понять, что в будущем это все будет. Для нужд отдельных публично-правовых отраслей как финансовое право, законодательство о банкротстве и исполнительном производстве, уголовном праве цифровая валюта признавалась иным имуществом.

В гражданско-правовых спорах практика только формировалась, а потому основным способом восстановления нарушенного права у владельцев цифровой валюты оставался институт неосновательного обогащения. Однако суды, признавая за владельцами цифровой валюты право на судебную защиту, старались обойти вопросы квалификации возникшего правоотношения. Одновременно с началом масштабной работы в правоприменительной практике стали выявляться и первые проблемы. В частности, это трудности со средствами доказывания, достоверным установлением владельца цифровой валюты, факта ее перечисления, ее стоимости, применения обеспечительных мер и многим другим. Предпринимались попытки приравнять цифровую валюту к известным российскому законодательству объектам права, для которых уже выработан правовой режим. Но эти эксперименты лишь демонстрировали необходимость признания цифровой валюты как самостоятельного объекта с собственной нормативно-правовой базой.

Итогом анализа правоприменительной практики и работы над ошибками стал третий период развития правового регулирования цифровой валюты. Был принят Закон о ЦФА, признавший цифровую валюту и закрепивший ее определение. В другие нормативные акты внесены сопутствующие поправки о рассмотрении цифровой валюты в качестве иного имущества для целей применения отдельных отраслей законодательства. Теперь защита прав владельцев цифровой валюты в гражданско-правовых спорах, добавление её в состав имущества в исполнительном производстве и банкротстве не вызывает серьезных проблем. Пресекаются хищения цифровой валюты и её использование в целях отмывания доходов, добытых преступным путем. Предпринята попытка выведения из тени оборота цифровой валюты и облегчения доказывания ее принадлежности в суде посредством постановления в зависимость право на судебную защиту от раскрытия и декларирования цифровой валюты её владельцем в налоговой инспекции. Позднее был введен оборот цифрового рубля как отдельной формы расчётов.

Но на фоне всех вышеописанных событий имеется и один существенный недостаток. Законодательное регулирование цифровой валюты не доведено до своего логического завершения, о чем прямо свидетельствует банкетная норма п.6 ст.14 Закона о ЦФА. По-прежнему в процессуальном законодательстве должным образом не регламентирован вопрос о допустимых способах и средствах доказывания по достоверному установлению владельца цифровой валюты и имевших место ее перечислениях, не выработаны и не предложены с учётом технической стороны возможные обеспечительные меры. Оценка стоимости цифровой валюты так и проводится по выборке данных с криптообменников, что нередко вызывает возражения со стороны взыскателей и кредиторов в исполнительном производстве и делах о банкротстве соответственно. При введении цифрового рубля, эмитированного Центробанком, не решён вопрос с «частными» цифровыми валютами. Неясным до сих пор остаётся и закреплённое положение Закона о ЦФА, что цифровая валюта может выступать в качестве средства платежа, но только в рамках информационной системы.

На помощь вновь приходит судебная практика, которая стремится заполнить перечисленные пробелы. Российский законодатель разделил цифровые финансовые активы и цифровую валюту, а последнюю для нужд отдельных отраслей законодательства отнес к иному имуществу, но ее причисление лишь временная мера. Ведь, как показывает опыт приведенных в данной работе судебных актов, наиболее приемлемым впоследствии станет решение о выделении цифровой валюты в качестве самостоятельного объекта со своим правовым регулированием, учитывающем особенности ее оборота.

Список источников

1. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.03. 2019 г. - № 12 ст. 1224.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08. 2020 г. - № 31 (часть I) ст. 5018.
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 08 апреля 2021 г. по делу № 33-10679/2021 // URL: https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal_civil/details/5aa1a880-8176-11eb-bd72-65cac72ea09f (дата обращения: 10.05.2024 г.)
4. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 № 22-5295/2020 по делу N 1-95/2020 // URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 10.05.2024 г.)
5. Информация Банка России от 27.01. 2014 г. «Об использовании при совершении сделок виртуальных валют, в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. – 05.02.2014 г. - № 11.
6. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось совещание о правомерности использования анонимных платежных систем и криптовалют 06.02.2014. // URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-86432/> (дата обращения: 10.05.2024 г.)
7. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. – 13.07. 2002 г. - № 127.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // URL: <https://base.garant.ru/61623374/> (дата обращения: 10.05.2024 г.)
9. Проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // URL: <http://sozd.Parlament.gov.ru/> (дата обращения 25.07.2019)
10. Определение Арбитражного суда г.Москвы по делу о банкротстве № А40-12639/2016 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/20e775a4-29e1-4d7a-bfb7-d4f42d3106ec> (дата обращения: 10.05.2024 г.)
11. Определение Арбитражного суда Саратовской области по делу о банкротстве № А57-21957/2017 от 03.08.2018 г. // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/56bb884b-247d-4562-b7e7-962c1deb6f8aa> (дата обращения: 10.05.2024 г.)
12. Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 27 апреля 2021 г. по делу N 33-2590/2021 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/320664081/paragraph/1/doclist/1579/1/0/0> (дата обращения: 10.05.2024 г.)
13. СК по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. по делу N 22-5295/2020 // URL: СК по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. по делу N 22-5295/2020 (дата обращения: 10.05.2024 г.)

14. Романова Л. WebMoney сообщил о прекращении операций // Ведомости. Финансы – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2022/02/11/908904-webmoney-prekraschenii-operatsii> (дата обращения 28.03.2024)
15. Федеральный закон от 30.12. 2020 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» и статью 8 Федерального закона «О национальной платежной системе» // Российская газета. – 11.01. 2021 г. - № 1.
16. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 23 октября 2023 г. по делу № 1-606/2023 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/337861466/paragraph/1/doclist/1657/2> (дата обращения: 10.05.2024 г.).
17. Янковский, Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020.- 4. - 43-77.
18. Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 31.07. 2023 г. - № 167
19. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2021 по делу N 48-КГ21-3-К7, 2-5227/2019 // URL:<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01062021-n-48-kg21-3-k7-2-52272019/> (дата обращения: 10.05.2024 г.)
20. Wiseman S.A. Property or Currency? The Dilemma behind Bitcoin // Utah Law Review. 2016. Iss. 2. P. 417-440; Mirianich N. Digital Money: Bitcoin's Financial and Tax Future Despite Regulatory Uncertainty // DePaul Law Review.